

УДК 323.174

МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНАЛИЗМА: ВНЕШНИЙ ОБРАЗ И ИДЕНТИЧНОСТЬ МАКРОРЕГИОНА

© 2021 г. М. В. Назукина*

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, Россия

**e-mail: nazukina@mail.ru*

Поступила в редакцию 01.05.2020 г.

После доработки 01.11.2020 г.

Принята к публикации 22.12.2020 г.

В статье анализируются ключевые смыслы внешнего образа дальневосточного региона и их корреляция с внутренним наполнением (территориальной идентичностью) в регионалистском дискурсе Дальнего Востока. На основе анализа материалов медиадискурса федеральных СМИ показано, что особость макрорегиона интерпретируется через экономические маркеры и смысловой концепт “развитие”. Идентификация с сообществом через имя “дальневосточник” поднимается в контексте дискурса проблем в макрорегионе. Особое внимание уделено внутренним дискурсам идентичности Дальнего Востока. В статье отражены результаты исследования дальневосточного регионализма, проведенного автором в конце октября – начале ноября 2019 г. в Хабаровске и Владивостоке. Основными материалами для анализа стали экспертные интервью и результаты включенного наблюдения. Показано, как осознание специфических региональных проблем Дальнего Востока вносит вклад в формирование идентичности “дальневосточников”. Исследование продемонстрировало, что термин “Дальний Восток” в регионалистском дискурсе воспринимается как внешнее название макрорегиона, административный термин. Экспертные интервью позволили установить, что причины отсутствия сообщества на макрорегиональном уровне связаны со слабой субъектностью и связанностью между регионами Дальнего Востока. Ключевой идеей, сплачивающей территориальное сообщество, выступает здесь московборщеский дискурс. Фиксируется потребность в конструировании позитивных идентификационных маркеров за счет коммуникации акторов, продуцирующих регионалистский дискурс на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: регионализм, макрорегион, Дальний Восток, региональная идентичность, образ региона, регионалистский дискурс

DOI: 10.31857/S2587556621020114

ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЗАДАЧИ

На протяжении последнего времени в официальном дискурсе российский Дальний Восток устойчиво воспроизводится как единый макрорегион — приоритетная территория развития страны. Не случайно подъем Дальнего Востока объявлен задачей “общенационального масштаба”, “приоритетом на весь XXI век”¹. Таким образом, Дальний Восток демонстрирует классический пример того, как макрорегион конструируется извне, силами официального дискурса, поскольку

ку преобладает взгляд на территорию как единую, требующую общих управленческих решений. В политической риторике широко используются географические и иные характеристики дальневосточных территорий, формируется представление о том, что реально существует макрорегиональное сообщество, которое именуется “Дальним Востоком”.

Сам термин “макрорегион” в публичном политическом дискурсе сравнительно недавно институционализировался и используется сугубо формально: чаще как синоним федерального округа (Назукина, 2015, с. 38). При таком подходе Дальний Восток — это суперсубъект в виде Дальневосточного федерального округа (ДФО), понимаемый как территория, в отношении которой осуществляется отдельная политика. Однако само по себе формальное наличие границ не озна-

¹ Путин назвал развитие Дальнего Востока задачей общенационального масштаба // РИА Новости, 21.08.2019. <https://ria.ru/20190821/1557737710.html> (дата обращения 12.04.2020 г.). Обращение В.В. Путина на сайте Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. <https://minvr.ru/> (дата обращения 12.04.2020 г.).

чает, что они приведут к формированию регионального сообщества. Значение имеет не столько сам факт проживания на определенной территории, сколько то, что факт общего проживания становится важным для возникновения идентичности (Бауман, 1996). В этом смысле территориальное сообщество рассматривается нами через культурную память, а также сложившиеся представления о “себе” и “других”, формирующие “воображаемое сообщество” (Андерсон, 2016). В таком случае, помимо конструирования макрорегиона извне, на процесс возникновения регионов оказывают влияние многие факторы, среди которых особенности исторического развития, социально-экономическая близость и другие, в результате чего возникает чувство территориальной общности.

Проблема настоящего исследования заключается в поиске ответа на вопрос: существует ли реальное внутреннее наполнение единства макрорегиона “Дальний Восток” и каково его совпадение с теми смыслами об особости территории и его сообщества, которые транслируются извне? Учитывая недостаточный уровень транспортной освоенности территории региона, которая является одной из фундаментальных проблем Дальнего Востока (Неретин и др., 2019, с. 35), можно ли говорить об общей макрорегиональной идентичности и существовании внутреннего образа “дальневосточника”? Цель данной статьи, таким образом, определяется как выявление ключевых смыслов внешнего образа дальневосточного региона и их корреляция с внутренним наполнением (территориальной идентичностью) в регионалистском дискурсе Дальнего Востока. Анализ того, как конструируется “дальневосточный макрорегион” извне (его образ) и изнутри (территориальная идентичность) позволит по-новому взглянуть на проблему макрорегиональной идентичности в целом, в том числе в контексте осмысления приграничных идентичностей (Колосов, 2016; Колосов и др., 2016).

Постановка такого исследовательского вопроса, бесспорно, актуальна на фоне сопоставления, например, с сибирским макрорегионом, который является более изученным с точки зрения макрорегиональной идентичности. Историография фиксирует крупные работы, посвященные изучению феномена “сибиряка” (Анисимова, Ечевская, 2012), но фактически отсутствие таковых в отношении “дальневосточника”. При изучении территориальных образов Дальнего Востока изучаются как репрезентации в кинематографе и воспоминания исследователей (Головнев, Головнева, 2017; Головнева, Мартишина, 2018), так и специфика са-

мосознания людей, живущих на Дальнем Востоке (Ларин, Ларина, 2012; Шведов, 2008). Характеристика внешнего образа связана, прежде всего, с анализом региональной мифологии². Исключением можно считать работы Л.Е. Бляхера [см., напр.: (Бляхер, 2004)], который, по сути, сам “конструирует дальневосточную идентичность”³. В серии работ, опубликованных Л.Е. Бляхером в 2018–2019 гг. на сайте информационного агентства “Восток России”, рассматриваются разные аспекты вопросов: “кто такие дальневосточники”, “как они относятся к пространству” и пр.⁴

МЕТОДЫ

Рассмотрение проблематики конструирования макрорегиональной идентичности связано с вопросами состояния и перспектив регионализма в современной России [см., напр.: (Каганский, 2001)]. Основываясь на социально-конструктивистском подходе, А. Пааси отмечает, что в процессе институционализации регионы приобретают свои границы, символические структуры и институты (Paasi, 2002, p. 805). Согласно автору, институционализация регионов проходит четыре фазы: осознание и оформление территории; приобретение регионом концептуальной формы и его притязания на символическое оформление; возникновение региональных институтов, которые служат повышению регионального самосознания; утверждение региона в пространственной структуре и массовом сознании. Идентичность, которая соединяет эти элементы, понимается как эмоциональный феномен, связанный с региональным сознанием. В свою очередь, региональное сознание становится основой как для возникновения чувства принадлежности, так и отчужденности, различий между социальными группами (Zimmerbauer, Paasi, 2013, p. 32). Фокус на идентичность предполагает наличие общей ценностной системы, понимания себя как сообщества. Важность указания на ценностные основания региональной общности позволяет выделять в регионализме не только политические и экономические аспекты, но и культурные (Keating, 1995, p. 1494). При этом стержневым понятием выступает региональное самосознание людей. Так, В.Н. Стрелецкий (2012, с. 11), говоря о регионализме как феномене культуры, выделяет два пласта: “объек-

² Смирнягин Л.В. По ту сторону мифов. Дальний Восток: новые подходы к старым проблемам // Независимая газета. 23.01.2008. http://www.ng.ru/ideas/2008-01-23/15_myths.html?mright=3 (дата обращения 13.04.2020 г.).

³ Интервью с экспертом 1. Хабаровск, 29.10.2019 г. Архив автора.

⁴ Леонид Бляхер / Информационное агентство “Восток России”. <https://www.eastrussia.ru/speaker/blyakher/> (дата обращения 13.04.2020 г.).

тивный” (комбинация культурных характеристик, которые придают той или иной территории черты своеобразия, неповторимости, а то и уникальности, по сравнению с другими территориями) и “рефлексивный”, выражающийся в представлениях людей о своеобразии и самобытности тех или иных местностей и территорий, а в первую очередь — о своей собственной идентичности.

При характеристике региона и регионализма важно общее самоощущение, на основе которого может возникнуть движение, культивирующее регионалистский дискурс (Панов, 2020). Регион с этих позиций является субъектным пространством. Регионалистские акторы конструируют “региональные идеи”, “исключительность региона”, на основании которых тот или иной регион выделяется в числе других.

Конструирование региона может идти по двум вариантам. Сверху вниз — за счет внешнего оформления границ, или снизу вверх — от самого регионального сообщества, внутри которого формируются акторы регионализма: интеллектуалы, общественники, политические деятели, поддерживающие на уровне нарративов представление о региональной самостийности. Иными словами, в качестве основного аспекта в институционализации региона речь должна идти о общественном срезе — о людях, в данном случае о тех, которые называют себя и называются “дальневосточниками”. Для определения вектора конструирования и его корреляции важно интерпретировать источники, конструирующие образ региона и регионального сообщества извне. Кроме того, для фиксации специфичности важна рефлексия о регионе как раз самих регионалистских акторов. С этой целью в исследовании были привлечены два основных блока источников на основе количественно-качественной методологии.

Основной метод сбора информации, использованный в данном исследовании, — интервью с экспертами, проведенные автором в конце октября — начале ноября 2019 г. в Хабаровске и Владивостоке. Выбор именно этих двух городов связан с их безусловной столичной спецификой и претензиями на статус центра макрорегиона. Проведенные десять интервью охватили ведущих интеллектуальных акторов (исследователи, краеведы, писатели, политические консультанты, общественные деятели, депутаты, журналисты), которых можно считать связанными с конструированием идеи региона “Дальний Восток”.

Помимо экспертных интервью активно был задействован метод включенного наблюдения [натурного полевого наблюдения (Гриценко, Крылов, 2012, с. 134)] для оценки того, насколько регионалистский дискурс актуализирован в пространствах Хабаровского и Приморского краев: музейные экспозиции, названия и визуальное

оформление объектов социальной и коммерческой инфраструктуры и пр.

Дополнительно были использованы методы контент- и дискурс-анализа для оценки характеристик внешнего образа макрорегиона. Основу работы составил мониторинг сообщений российских СМИ на основе контент-анализа через систему “Медиалогия”, которая является ведущей информационной системой на рынке анализа медиа в России⁵. В качестве исследуемого периода был выбран временной отрезок с начала 2018 г. до середины 2019 г. Выбранный для анализа период озаглавлен важными изменениями в институциональном оформлении макрорегиона. Во-первых, Указом Президента РФ от 3 ноября 2018 г. в состав федерального округа включены Республика Бурятия и Забайкальский край, ранее входившие в Сибирский федеральный округ. Во-вторых, согласно Указу Президента РФ от 13 декабря 2018 г., столица округа была перенесена из Хабаровска во Владивосток. Кроме того, на рассматриваемый период пришелся новый виток рассуждений об особости населения российского Дальнего Востока, что было связано с результатами голосования на выборах губернаторов осенью 2018 г. в двух крупнейших субъектах ДФО. Также 26 февраля 2019 г. Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока было переименовано в Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, что стимулировало дискуссию о границах макрорегиона.

Для исследования был выбран метод качественно-количественного контент-анализа статей федеральных СМИ за указанный период. В выборку попали статьи, в которых встречались сочетания слов “Дальний Восток/регион”, “Дальний Восток/макрорегион”, “дальневосточник” в любом порядке и склонении. База источников для количественного анализа составила почти пять тысяч ($N = 4956$) сообщений.

На следующем этапе производился качественный анализ заголовков статей. В рамках критического дискурс-анализа заголовков является одним из наиболее значимых для восприятия элементов текста и, по мнению Т. ван Дейка (2013), влияет на формирование у читателей ментальных моделей (субъективных интерпретаций событий). Заголовков в структуре информационного сообщения отражает идеологическую подоплеку текста.

Далее заголовки группировались по блокам так называемого узла дискурса и на основе качественного подхода интерпретировались их ключевые смыслы. Выбор количественно-качественного подхода был обусловлен необходимостью зафиксировать смысловые рамки, контекст,

⁵ Медиалогия. <https://www.mlg.ru> (дата обращения 13.10.2019 г.).

Таблица 1. Группировка названий статей по Дальнему Востоку на основе ключевых слов в заголовках СМИ

Категория (ключевые слова)	Примеры заголовков	Количество
Территория (регион, макрорегион, ДФО, территория опережающего развития – ТОР, столица, Владивосток, Хабаровск)	Территория развития Владивосток стал столицей Дальнего Востока “Историческое событие”: эксперты оценили перенос столицы ДФО Восточные ворота	722
Экономика (развитие, экономический, стратегия, программа, проект, инвестор, проблема)	Курс на ускоренное развитие Дальнего Востока является государственным приоритетом Потенциал требует развития Надо работать над повышением уровня жизни населения на Дальнем Востоке Развитие Дальнего Востока	711
Сообщество (дальневосточник, миграция, переселение, поддержка, гарантии, льготы)	Трутнев: “Преференции дальневосточникам считаю бессмысленными” Дальневосточникам вернут прежний возраст выхода на пенсию? Переселенцы на Дальний Восток: кто поедет за новой жизнью? Ипотеку под 2 процента будут выдавать на Дальнем Востоке	180
Политика (Минвостокразвитие, Трутнев, губернатор, выборы, протест)	Выборы-2018: Дальний Восток показал Кремлю фигу Ветер перемен кардинально обновил команду губернаторов ДФО: кто есть кто? Дальневосточный протест: Владивосток, Якутск, далее – везде	81

Примечание. Составлено автором на основе контент-анализа в системе Медиалогия.

темы или сюжеты, которые присутствуют в тексте (Олейник, 2009, с. 69). Семантическое ядро подсчитывалось через сервис анализа текста Адвего для SEO онлайн⁶.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Внешний образ Дальнего Востока: ключевые особенности макрорегиона и дальневосточников в дискурсе СМИ

На основе проведенного мониторинга СМИ выделено четыре ключевых блока, структурирующих дискурс о макрорегионе (табл. 1). Формальная статистика продемонстрировала, что из десяти самых часто встречаемых в заголовках слов наибольшую значимость имеют два ключевых понятия: “развитие” и “экономический”⁷. Дальний Восток позиционируется в СМИ, прежде всего, как макрорегион, требующий особого внимания и “развития”.

В дискурсе федеральных СМИ специфика “дальневосточников” связывается с необходимостью особого подхода и требованием неких преференций жителям макрорегиона. Это выразилось, например, в обсуждении программы по развитию Дальнего Востока и закреплению статуса

“дальневосточника” в ней⁸. Широкий резонанс в СМИ, в частности, получил комментарий полпреда в ДФО Ю.П. Трутнева, о том, что людям не нужно давать какие-то преференции просто за то, что они живут в ДФО: “...платить или давать еще какие-то преференции просто за то, что люди тут живут, считаю бессмысленным”⁹. В этом ключе в СМИ рассматривались, например, инициативы по возвращению жителям Дальневосточного федерального округа прежнего возраста выхода на пенсию.

Проблемный фокус рассмотрения условий жизни людей в макрорегионе занимает важное место в осмыслении специфики сообщества: “для прекращения оттока населения из макрорегиона необходимо, чтобы дальневосточники начали зарабатывать в 2–3 раза больше, чем сейчас”¹⁰; “Главная причина – неудовлетворенность социально-экономическими условиями”¹¹. Исходя из этого, фор-

⁶ Семантический анализ текста Адвего. <https://advego.com/text/seo/> (дата обращения 13.04.2020).

⁷ Помимо официальных названий (ДФО, Владивосток, Арктика) и слов, подвергавшихся мониторингу (дальний, восток, дальневосточный, регион, макрорегион).

⁸ Реализация нацпроектов, программа по развитию ДВ и статус для дальневосточников // OkayGorod.com. 24.03.2019. Цит. по: Полные тексты сообщений. Отчет “Медиалогии”. Контекст: Уровни СМИ: Федеральный. Временной период: с 01 января 2018 г. по 29 июля 2019 г. Дата подготовки отчета: 29 июля 2019 г.

⁹ Трутнев: “Преференции дальневосточникам считаю бессмысленными”. <https://regnum.ru/news/2567184.html> (дата обращения 6.02.2019 г.).

¹⁰ Как поднять доходы жителей ДФО в 2–3 раза? Сократить чиновников на 80% // ИА REGNUM. 08.07.2019.

¹¹ Газеты пишут о проблемах Дальнего Востока: Причины оттока населения // Демоскоп Weekly. 02.10.2018.

мируется образ “недовольного” условиями и уровнем жизни “коренного” дальневосточника, который хочет покинуть макрорегион: *“Похоже, спетая культовым музыкантом из Владивостока песня “Утекай” оказалась в некотором смысле пророческой. Дальневосточники уезжают в Москву, Санкт-Петербург, Краснодар, Калининград и прочие западные, более комфортные во многих отношениях регионы, навсегда покидая родные места”*¹².

Данный образ провоцирует рассуждения о необходимости решительных действий по изменению сложившейся ситуации. К примеру, фиксируется неэффективность проекта “Дальневосточный гектар”, выдвигается мысль о том, что нужно разрабатывать какие-то другие меры: *“Следует возродить принцип “постоянной стройки”, когда для реализации новых объектов привлекали молодежь из западных регионов. Люди приезжали, получали профессию, обзаводились семьями, становились дальневосточниками”*¹³.

Политические характеристики являются важной чертой в осмыслении личности жителей макрорегиона. Чаще всего они, проявляющиеся в голосовании, рассматриваются в дискурсе “москворочества”, оппозиционности и свободолюбия территории. В частности, в сентябре 2018 г. имела место победа кандидата от ЛДПР Сергея Фургала над представителем “Единой России” и прежним губернатором Хабаровского края Вячеславом Шпортом, а также отмена результатов второго тура в Приморье. Эти факты стимулировали большое количество сообщений о протестной природе дальневосточников: *“Приморье всегда было независимой от центральной власти, свободолюбивой территорией”*¹⁴; *“Федеральная власть теряет контроль над крупнейшим регионом”*¹⁵. Еще одним проявлением политического дискурса является также рассуждение о дальневосточном патернализме: *“Дальневосточники по сути своей — патерналисты”*¹⁶.

В дискурсе СМИ в структуре образа дальневосточника вырисовываются два составных элемента. Первый — это “старые” или “коренные” дальневосточники: *“Коренное население, если су-*

*дить по поведению федеральных властей, здесь явно лишнее. Нужны только мигранты и вахтовики”*¹⁷. Второй — те, кто “становятся” дальневосточниками, т.е. переезжают в регион. Однако какой-то символической дистанции между ними не фиксируется, в целом они рассматриваются как относительно единое сообщество, особенность которого формируется территориальной спецификой, границами ДФО.

*Дальний Восток и дальневосточники
в регионалистском дискурсе макрорегиона:
внутреннее измерение*

Сопоставление выявленных интерпретаций дальневосточного макрорегиона в дискурсе СМИ с внутренним регионалистским дискурсом позволило определить следующие особенности.

Эксперты сходятся во мнении, что Дальний Восток является сугубо административным регионом, созданным извне, и какой-то общей идентичности этого субъекта не существует. *“Не существует Дальнего Востока. Это чисто административное образование... ничего общего, потому что есть три разных Дальних Востока, случайно объединенных в единый административный анклав”*¹⁸; *“Ничего схожего между территориями нет... связанности внутрирегиональной тоже нет”*¹⁹.

При этом название “Дальний Восток” рассматривается с негативным оттенком, поскольку отражает отношение к территории с точки зрения Центра (*“Мы дальние по отношению к центру, к нам относятся как к “дальним”, и, к сожалению, все это определяет”*²⁰). Важное влияние на это оказывают психологические особенности, представление о том, что чем дальше от человека находится объект, тем меньше у него возможности его контролировать.

В этом ключе показательным является то, что предпринимаются попытки изменения ситуации на уровне наименования — есть варианты с иным названием макрорегиона. В качестве замены предлагается использовать словосочетание “Тихоокеанская Россия”, которое родилось в дискуссиях о стратегии развития Дальнего Востока и Приморского края в Тихоокеанском центре стратегических разработок в 2003 г.²¹ Тогда же оно

¹²Чемодан — вокзал — хоть куда // Ар7.гу. 13.09.2018.

¹³Что нужно для успешной реализации дальневосточной нацпрограммы // Finance.rambler.ru. 28.03.2019.

¹⁴Дальний Восток отодвинулся от Москвы еще дальше // Cont.ws. 15.10.2018.

¹⁵Дальневосточный протест: Владивосток, Якутск, далее — везде // 123ru.net. 19.09.2018.

¹⁶Бляхер Л. Что могут дальневосточники. Леонид Бляхер о том, может ли кто-то развивать Дальний Восток, кроме его жителей // Информационно-аналитическое агентство “Восток России”. 08.10.2018. <https://www.eastrussia.ru/material/chto-mogut-dalnevostochniki/> (дата обращения 13.04.2020 г.).

¹⁷Вывоз полезных ископаемых — вот и весь эффект от укрупнения ДФО: эксперт // The world news (theworld-news.net). 06.11.2018.

¹⁸Интервью с экспертом 1. Хабаровск, 30.10.2019 г. Архив автора.

¹⁹Интервью с экспертом 2. Владивосток, 31.10.2019 г. Архив автора.

²⁰Интервью с экспертом 4. Владивосток, 01.11.2019 г. Архив автора.

впервые появилось на обложке краткой версии “Стратегии социально-экономического развития Приморского края на 2004–2010 годы”, опубликованной для обсуждения региональным сообществом: *“Мы пытаемся похоронить понятие “Дальний Восток” и активно продвигаем понятие “Тихоокеанская Россия”*”²². Данные устремления особенно выражены в академическом и научном дискурсах²³. Присутствие термина наблюдается и в наименованиях объектов инфраструктуры.

Во Владивостоке существует целая группа сторонников продвижения данного названия. *“В самом названии “Дальний Восток” содержится отнесенность, связанная с европоцентризмом. Вместе с тем на территории Дальневосточного федерального округа нарастает тяготение территорий к Тихому океану”*, — считает академик Петр Бакланов, научный руководитель Тихоокеанского института географии ДВО РАН²⁴. По мнению Ю.А. Авдеева, в термин “Тихоокеанская Россия” заложен в основном социально-экономический смысл. Экономическое явление под названием “Тихоокеанская Россия” связано с разработкой “внятной долгосрочной российской стратегии в восточном направлении”²⁵. Термин “Тихоокеанская Россия” как альтернатива Дальнему Востоку подразумевает “весь потенциал России, ориентированный на рынки АТР”²⁶.

Дальний Восток все активнее вовлекается в экономические процессы, происходящие в Восточной и Юго-Восточной Азии. Поэтому важным аспектом идентичности Дальнего Востока сегодня выступает представление, связанное с превращением Дальнего Востока в “ворота” в

Азиатско-Тихоокеанский регион, поскольку они примыкают к быстроразвивающимся азиатским центрам глобального масштаба. Таким образом, утверждается новая мифологема, связанная с тем, что объединяющим для дальневосточных регионов моментом является функция, которую выполняет регион в России. Вся территория до Чукотки — это форпост и плацдарм, своеобразный “мост” России в Азию. В констатации этой функции фиксируется важная проблема — расхождение целей Москвы и региона: *“С точки зрения Москвы — мы форпост, плацдарм, мост. Однако люди не хотят жить “на мосту”, и возникает проблема. Почему проваливаются все программы по развитию Дальнего Востока? Потому что они нацелены не на развитие территории, как места для проживания, а на использование территории и живущих на ней людей, как инструментов для решения каких-то общенациональных задач”*²⁷.

В отсутствие общности пространственной и коммуникационной, ставится под вопрос и само понятие “дальневосточники”. Несмотря на то, что понятие укоренилось в отношении жителей Дальнего Востока и используется во внутреннем дискурсе, эксперты все же считают его формальным. Причина этого кроется в том, что региональная и локальная идентификации являются доминирующими по сравнению с макрорегиональной. Это подтверждают и опросы общественного мнения. К примеру, согласно данным исследования ЦИРКОН, примерно каждый пятый респондент в Приморском крае заявил, что считает себя жителем своего региона (региональная идентичность); и для этого региона характерен сравнительно низкий уровень общенациональной идентичности²⁸. Географическое местоположение региона, широкий доступ к морю оказывают влияние не только на символические атрибуты региональной идентичности (рыба, икра, шоколад с морской капустой укоренены в региональных символических атрибутах и в самом названии региона как Приморья), но и определяют ментальные особенности жителей, в частности, в распространении свободной портовой культуры.

Не случайно, говоря о внутреннем наполнении регионального менталитета, многие эксперты отмечают самодостаточность жителей: *“Здесь люди живут, которые самодостаточные. Они знают себе цену, что они могут и знают, что за них это никто не сделает”*²⁹, *“Принято считать, что*

²¹Тихоокеанская Россия — звучная фраза или близкое будущее? Интервью с Ю.А. Авдеевым от 18.11.2009. http://ankulikova.blogspot.com/2009/11/blog-post_18.html (дата обращения 13.04.2020 г.).

²²Интервью с экспертом 4. Владивосток, 01.11.2019 г. Архив автора.

²³В 2007 г. вышла монография губернатора Приморского края С.М. Дарькина “Тихоокеанская Россия: стратегия, экономика, безопасность” (Дарькин, 2007). Выходят и другие книги (Шведов, 2008; Тихоокеанская..., 2017; и др.). Регулярно проходят конференции. Например, на базе Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН 31 октября–1 ноября 2019 г. состоялась Национальная конференция с международным участием “Диалог культур Тихоокеанской России и сопредельных стран: межэтнические, межгрупповые, межличностные коммуникации”. <http://ihaeife.org/news/7691#more-7691> (дата обращения 13.04.2020 г.).

²⁴Цит. по: Авченко В. Ребрендинг Дальнего Востока // Эксперт Online, 30.11.2012. <https://expert.ru/2012/11/30/rebranding-dalnego-vostoka/> (дата обращения 13.04.2020 г.).

²⁵Авдеев Ю.А. Тихоокеанская Россия (материалы круглого стола) // Информационно-аналитический бюллетень. 2012. № 29(227). С. 10. <http://ihaeife.org/files/pacific-ocean-map/29.pdf> (дата обращения 13.04.2020 г.).

²⁶Интервью с экспертом 1. Владивосток, 31.10.2019 г. Архив автора.

²⁷Интервью с экспертом 5. Владивосток, 01.11.2019 г. Архив автора.

²⁸Российский фронтир: гражданская идентичность на передовом рубеже страны. Итоговый аналитический отчет по результатам исследования (версия от 10.04.2017 г.) // ЦИРКОН. http://www.zircon.ru/upload/iblock/76c/Rossiiskij_frontir_Analiticheskij_otchet.pdf?sphrase_id=16659 (дата обращения 04.10.2020 г.).

здесь живут романтики, мужественные, закаленные суровым климатом люди”³⁰. Дополняя перечисленные характеристики данными социологических исследований, можно также отметить среди ментальных особенностей, такие характеристики как: “открытость, предприимчивость, способность быстро адаптироваться к меняющимся обстоятельствам; оборотной стороной этой самостоятельности и самодостаточности людей выступает большая оппозиционность по отношению к власти, вольнодумие”³¹. Как регион фронта, Дальний Восток формирует свою региональную идентичность на основе ориентации на собственные силы: “Люди говорят: мы самостоятельно смогли выстоять в сложные 90-е, мы сами за себя отвечаем и сами делаем свою жизнь”³².

Ключевое объяснение отсутствию взаимодействия между регионами Л.Е. Бляхер структурирует вокруг понятия “проточная культура” (Бляхер, 2005), которое он предложил по аналогии с биологическим термином “проточная популяция”. Проточная популяция — такое сообщество, которое постоянно изменяется, является неустойчивым из-за миграции, которая становится причиной того, что формируется крайне слабое “региональное (популяционное) ядро” и складывается незавершенная культурная самоидентификация: “Я исхожу из того, что наши беды во многом связаны с тем, что здесь до сих пор нет постоянного населения... Люди не считают местность, на которой живут, своим постоянным местом жительства. Они все равно рассматривают вариант того, чтобы уехать”³³. Проточность и постоянная текучесть населения закладывали особенности регионального сообщества, в первую очередь в психологическом плане: с терпимостью в восприятии элементов ее пополняющих; взаимной поддержкой в рамках сообщества и, с другой стороны, индивидуализмом и недоверием к властным институтам. Неслучайно в качестве общей тематики в самосознании регионов, объединенных в Дальний Восток, как считают эксперты, является феномен “московоборчества”: “у нас обида на Москву”; “К региону из Москвы относятся, мягко говоря, хищнически”³⁴.

²⁹Интервью с экспертом 2. Владивосток, 31.10.2019 г.. Архив автора.

³⁰Интервью с экспертом 1. Владивосток, 31.10.2019 г. Архив автора.

³¹Российский фронт: гражданская идентичность на передовом рубеже страны. Итоговый аналитический отчет по результатам исследования (версия от 10.04.2017 г.) // ЦИР-КОН. http://www.zircon.ru/upload/iblock/76c/Rossijskij_frontir_Analiticheskij_otchet.pdf?sphrase_id=16659 (дата обращения 04.10.2020 г.).

³²Интервью с экспертом 2. Владивосток, 31.10.2019 г. Архив автора.

³³Интервью с экспертом 4. Владивосток, 01.11.2019 г. Архив автора.

Еще одной особенностью стоит считать наличие двух политических центров на Дальнем Востоке, которые конкурируют за доступ к ресурсам, к лоббированию принимаемых решений. Так, между Приморьем и Хабаровским краем существует серьезная конкуренция, превосходящая сотрудничество и кооперацию, существование которых означало бы осознание себя некой общностью. Причем конкуренция разделяется на два типа. С одной стороны, элита конкурирует с властью за лоббирование дополнительных ресурсов в Москве, а с другой стороны, существует серьезная психологическая конкуренция (“виртуальная”) среди населения: “Существует на бытовом уровне антагонизм: кто круче мы или владивостокцы. Это не зависть — это “Москва — Питер”, чьи поэты круче, чьи фестивали круче...”³⁵. По сути, у Дальнего Востока два центра или рассредоточенный центр — Владивосток и Хабаровск: “Хабаровск больше похож на сибирские основательные купеческие, военные города, а Владивосток — это порт”³⁶. При этом перенос столицы ДФО однозначно воспринят негативно как в Хабаровске, так и во Владивостоке: “Это очень серьезная ошибка”³⁷.

Проблема объединения ментально разных регионов, которые входят в границы Дальнего Востока, существует в силу пересечения различных идентификационных систем, значимых для жителей этих регионов. Говорить о Дальнем Востоке как о чем-то едином или однородном с позиции макрорегиональной идентичности — ошибочно. Поэтому, обсуждая наполненность понятия “дальневосточник”, эксперты ссылаются на мифы, связанные с образами Дальнего Востока: “миф о китайской экспансии, которой нет... Существует также миф о дальневосточном сепаратизме, которого тоже нет”³⁸.

Миф о сепаратизме связан с опытом существования во время Гражданской войны Дальневосточной республики. Однако на сегодняшний день идея региональной автономии на Дальнем Востоке не политизирована. Более того, не существует организационного оформления, например, в виде регионалистских движений, которые артикулировали бы данные идеи: “Да, может отдельный человек высказать подобные мысли, но за этим не стоит ни идеологическая база, ни социальная, ни организационная”³⁹.

³⁴Интервью с экспертом 1. Владивосток, 31.10.2019 г. Архив автора

³⁵Интервью с экспертом 1. Хабаровск, 30.10.2019 г. Архив автора.

³⁶Интервью с экспертом 2. Владивосток, 31.10.2019 г. Архив автора.

³⁷Интервью с экспертом 2. Владивосток, 31.10.2019 г. Архив автора.

³⁸Интервью с экспертом 2. Владивосток, 31.10.2019 г. Архив автора.

Для того чтобы появилась такая общность, как “дальневосточники”, необходима активность в сфере политики идентичности на уровне макро-региона. Долгое время идентичность конструировалась на основе, во-первых, такой яркой приметы Дальнего Востока, как автомобили с правым рулем (“*Мы те, кто ездит на праворульных машинах*”), что очень хорошо показано в книгах известного приморского писателя В.О. Авченко (2012). Во-вторых, сильным объединяющим фактором стала “обида на Москву”: “*Каждый новый барон, губернатор 1990-х годов защищал свою территорию от Москвы. Это было одной из его функций, имплицитно присутствовало*”⁴⁰. Все это активизирует рассуждения о необходимости культивирования региональной истории, культуры как потенциальной основы для выращивания макро-региональной идентичности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, во внешней информационной повестке федеральных СМИ ограниченность и единство территории обеспечиваются формальными границами Дальневосточного федерального округа. Соответственно, внутренние особенности, обсуждаемые в рамках такого ракурса, связаны с ключевым понятием, которое оформляет дискурс о макрорегионе через экономические маркеры и смысловой концепт “развитие”. Безусловно, внешний образ формируется не только медиадискурсом. Тем не менее, в статьях СМИ заданы определяющие смысловые координаты, вскрываются значимые точки конструируемых извне значений. Проблемность, потребность в “помощи” и внимании со стороны федеральной элиты акцентированы по отношению к территориям, относящимся к Дальнему Востоку извне. Идентификация с сообществом в федеральных СМИ выстраивается в контексте дискурса финансово-экономических проблем и неудовлетворенности жизнью. Это формирует потребность в реинтерпретации образа на позитивных основаниях.

Внутренний регионалистский дискурс определяет как ключевую сплачивающую идею “москвоборчество”. Однако схожие тенденции проявляются и в других регионах России. Потребность в создании позитивных идентификационных маркеров очевидна, однако определить их для столь разных субъектов федерации, объединенных в макрорегион, — непростая задача. Это отмечают акторы, продуцирующие данный дискурс. Однако вслед за территориями разобщены и

сами акторы, между ними отсутствуют коммуникационные связи, преобладает ориентация на региональную повестку и на свой регион. При этом формула “Тихоокеанской России” потенциально может стать основой для формирования позитивной региональной идентификации, поиска особых маркеров макрорегионального сообщества.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00053 “Субнациональный регионализм и динамика многоуровневой политики (российские и европейские практики)”) в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

FUNDING

This work was carried out in the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 19-18-00053 “Subnational Regionalism and Dynamics of Multi-Level Politics (Russian and European Practices).”

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авченко В.О. Правый руль. М.: ООО “Ад Маргинем”, 2012. 368 с.
- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
- Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации: Монография. Новосибирск: НГУ, 2012. 176 с.
- Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект-Пресс, 1996. 255 с.
- Бляхер Л.Е. Политические мифы Дальнего Востока // Полис. Политические исследования. 2004. № 5. С. 28–39.
<https://doi.org/10.17976/jpps/2004.05.04>
- Бляхер Л.Е. Региональная самоидентификация и трансграничные практики на Дальнем Востоке России // Пространственная экономика. 2005. № 1. С. 117–132.
- ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом “ЛИБРОКОМ”, 2013. 344 с.
- Головнев И.А. Головнева Е.В. Дальний Восток в фильмах А. Литвинова: конструирование образа пространства // QUAESTIO ROSSICA. 2017. Т. 5. № 1. С. 109–124.
<https://doi.org/10.15826/qr.2017.1.214>
- Головнева Е.В., Мартишина Н.И. “Владеть Востоком”: конструирование образа региона в творчестве В.К. Арсеньева // Сибирские исторические исследования. 2018. № 1. С. 200–218.
<https://doi.org/10.17223/2312461X/19/13>

³⁹Интервью с экспертом 1. Владивосток, 31.10.2019 г. Архив автора.

⁴⁰Интервью с экспертом 1. Хабаровск, 30.10.2019 г. Архив автора.

- Гриценко А.А., Крылов М.П. Этнокультурный градиент: региональная идентичность и историческая память в соседних районах России и Украины // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 2. С. 126–140.
- Дарькин С.М. Тихоокеанская Россия: стратегия, экономика, безопасность. М: Дело, 2007. 439 с.
- Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
- Колосов В.А. Трансграничная регионализация и фронтальерские миграции: европейский опыт для России? // Региональные исследования. 2016. № 3. С. 83–93.
- Колосов В.А., Зотова М.В., Вендина О.И., Себенцов А.Б. Российское пограничье: современные вызовы и подходы к изучению // Проблемы регионального развития России / отв. ред. В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий, О.Б. Глезер, С.Г. Сафронов. М.: Кодекс, 2016. С. 234–256.
- Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX–XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2011. 312 с.
- Назукина М.В. Уральский макрорегион в системе территориальных идентичностей современной России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2015. № 6. С. 37–47. <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2015-6-37-47>
- Неретин А.С., Зотова М.В., Ломакина А.И., Тархов С.А. Транспортная связность и освоенность восточных регионов России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2019. № 6. С. 35–52. <https://doi.org/10.31857/S2587-55662019635-52>
- Олейник А.Н. Триангуляция в контент-анализе. Вопросы методологии и эмпирическая проверка // Соц. исследования. 2009. № 2. С. 65–79.
- Панов П.В. Многоликий регионализм // Вестн. Пермского ун-та. Политология. 2020 № 1. С. 102–115. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-102-115>
- Стрелецкий В.Н. Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения и система индикаторов // Псковский регионологический журн. 2012. № 14. С. 9–21.
- Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / отв. ред. В.Л. Ларин. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. 386 с.
- Шведов В.Г. Геополитический образ российского Дальнего Востока – начальный этап формирования // Вестн. ДВГСА. Сер. 1. Гуманитарные науки. 2008. № 1. С. 5–34.
- Keating M. Regions and regionalism in the European community // Int. J. of Publ. Administration. 1995. V. 18. № 10. P. 1491–1511. <https://doi.org/10.1080/01900699508525063>
- Paasi A. Place and region: regional worlds and words // Prog. in Hum. Geogr. 2002. V. 26. № 6. P. 802–811.
- Zimmerbauer K., Paasi A. When old and new regionalism collide. De-institutionalization of regions and resistance identity in municipality amalgamations // J. Rural Stud. 2013. V. 30. P. 31–40. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2012.11.004>

Myths and Reality of Far Eastern Regionalism: External Image and Identity of the Macroregion

M. V. Nazukina*

Perm Federal Research Centre UB RAS, Perm, Russia

*e-mail: nazukina@mail.ru

The article analyzes the key meanings of the external image of the Far Eastern region and their correlation with the internal content (territorial identity) in the regionalist discourse of the Far East. Based on the analysis of the materials of the media discourse of the Federal media, it is shown that the specialness of the macroregion is interpreted through economic markers and the semantic concept of “development.” Identification with the community through the name “Far East” is raised in the context of the discourse of problems in the macroregion. Special attention is paid to the internal discourses of the identity of the Far East. The article reflects the results of a study of Far Eastern regionalism conducted by the author in late October–early November 2019 in Khabarovsk and Vladivostok. The main materials for the analysis were expert interviews and the results of the included observation. It is shown how awareness of specific regional problems of the Far East contributes to the formation of the identity of the Far East. The study showed that the term “Far East” reflects the external name of the macroregion, is an administrative term that does not have “spiritual unity” in the form of common identification bases. Expert interviews allowed us to establish that the reasons for the lack of community at the macro-regional level are associated with a weak subjectivity and connectivity between the regions of the Far East. The key rallying idea is determined by the presence of a Moscow-free discourse. There is a need to construct positive identification markers through communication of actors who produce regionalist discourse in the Far East.

Keywords: regionalism, macroregion, Far East, regional identity, image of the region, regionalist discourse

REFERENCES

- Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, N.Y.: Verso, 2016. 256 p.
- Anisimova A.A., Echevskaya O.G. *Sibirskaya identichnost'. predposylki formirovaniya, konteksty aktualizatsii* [Siberian Identity: Prerequisites for Formation, Contexts of Actualization]. Novosibirsk: Novosibirsk. Gos. Univ., 2012. 176 p.
- Avchenko V.O. *Pravyi rul'* [Right Hand Drive]. Moscow: Ad Marginem Publ., 2012. 368 p.
- Bauman Z. *Thinking Sociologically*. Wiley-Blackwell, 2001. 208 p.
- Blyakher L.E. Political myths of the Far East. *Polis. Polit. Issled.*, 2004, no. 5, pp. 28–39. (In Russ.). doi 10.17976/jpps/2004.05.04
- Blyakher L.E. Regional self-identification and trans-border practices in the Russian Far East. *Prostranstvennaya Ekonomika*, 2005, no. 1, pp. 117–132. (In Russ.).
- Darkin S.M. *Tikhookeanskaya Rossiya: strategiya, ekonomika, bezopasnost'* [Pacific Russia: Strategy, Economy, Security]. Moscow: Delo Publ., 2007. 439 p.
- Golovnev I.A., Golovneva E.V. The Far East in the films of A. Litvinov: Constructing the image of space. *Quaestio Rossica*, 2017, vol. 5, no. 1, pp. 109–124. (In Russ.). doi 10.15826/qr.2017.1.214
- Golovneva E.V., Martishina N.I. "Owning the East": The image of the region as constructed in the works of V.K. Arseniev. *Sib. Istor. Issled.*, 2018, no. 1, pp. 200–218. (In Russ.). doi 10.17223/2312461X/19/13
- Gritsenko A.A., Krylov M.P. Ethno-cultural gradient: Regional identity and historical memory in the neighboring regions of Russia and Ukraine. *Kul'turnaya i Gumanitarnaya Geogr.*, 2012, vol. 1, no. 2, pp. 126–140. (In Russ.).
- Kaganskii V.L. *Kul'turnyi landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo* [Cultural Landscape and Soviet Habitable Space]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2001. 576 p.
- Keating M. Regions and regionalism in the European community. *Int. J. Publ. Admin.*, 1995, vol. 18, no. 10, pp. 1491–1511.
- Kolosov V.A. Cross-border regionalization and front-line migration: European experience for Russia. *Reg. Issled.*, 2016, no. 3, pp. 83–93. (In Russ.).
- Kolosov V.A., Zotova M.V., Vendina O.I., Sebentsov A.B. Russian borderlands: Modern challenges and approaches to study. In *Voprosy geografii* [Problems of Geography]. Vol. 141: *Problemy regional'nogo razvitiya Rossii* [Problems of Regional Development of Russia]. Kotlyakov V.M., Streletsky V.N., Glezer O.B., Safronov S.G., Eds. Moscow: Kodeks Publ., 2016, pp. 234–256. (In Russ.)
- Larin V.L., Ed. Vladivostok: IIAE VBO RAN, 2017. 386 p.
- Larin V.L., Larina L.L. *Okruzhayushchii mir glazami dal'nevostochnikov: evolyutsiya vzglyadov i predstavlenii na rubezhe XX–XXI vekov* [The World Through the Eyes of Far Easterners: The Evolution of Views and Ideas at the Turn of the 20th–21st Centuries]. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 2011. 312 p.
- Nazukina M.V. Urals Macroregion in the system of territorial identities of modern Russia. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2015, no. 6, pp. 37–47. (In Russ.). doi 10.15356/0373-2444-2015-6-37-47
- Neretin A.S., Zotova M.V., Lomakina A.I., Tarkhov S.A. Transport connection and development of the eastern regions of Russia. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2019, no. 6, pp. 35–52. (In Russ.). doi 10.31857/S2587-55662019635-52
- Oleinik A.N. Triangulation in content analysis. Questions of methodology and empirical testing, *Sotsiol. Issled.*, 2009, no. 2, pp. 65–79. (In Russ.).
- Paasi A. Place and region: Regional worlds and words. *Prog. Hum. Geogr.*, 2002, vol. 26, no. 6, pp. 802–811.
- Panov P.V. Regionalism in his many faces. *Vestn. Perm. Univ. Politologiya*, 2020, no. 1, pp. 102–115. (In Russ.). doi 10.17072/2218-1067-2020-1-102-115
- Shvedov V.G. The retrospection of geopolitical interests of Russia at the Far East region. *Vestn. DVGSGA. Ser. 1. Gumanitarnye Nauki*, 2008, no. 1, pp. 5–34. (In Russ.).
- Streletsky V.N. Cultural regionalism: The essence of the concept, problems of study and system of indicators. *Pskov. Reg. Zh.*, 2012, no. 14, pp. 9–21. (In Russ.).
- Tikhookeanskaya Rossiya v integratsionnom prostranstve Severnoi Patsifiki v nachale XXI veka: opyt i potentsial regional'nogo i prigranichnogo vzaimodeistviya* [Pacific Russia in Integration Space of the Northern Pacific at the Beginning of the 21st Century: Experience and Potential of Regional and Border Interaction].
- van Dijk Teun A. *Discourse and Power*. Macmillan International Higher Education, 2008. 320 p.
- Zimmerbauer K., Paasi A. When old and new regionalism collide: Deinstitutionalization of regions and resistance identity in municipality amalgamations. *J. Rural Stud.*, 2013, vol. 30, pp. 31–40.